

ЛИВОНСКИЕ ПОБЕДЫ

В 1572–1573 гг. царские воеводы с большим трудом усмирили восстание черемисов в Поволжье. Мирные переговоры с казанскими людьми вели высшие сановники государства князь Иван Мстиславский и Никита Романов.

В 1575 г. южнорусские границы впервые за много лет не подвергались татарским набегам.

Москва использовала момент, чтобы активизировать восточную политику. В апреле 1576 г. царь принял решение выступить на южную границу «на свое дело и на земское». Несколько раньше Москва послала запорожским казакам денежное жалованье и боеприпасы. Запорожцы «ялись государю крепко служить». В помощь им прибыли отряды донских казаков.

Летом казаки выдержали сражение с крымскими татарами и вынудили их оставить Ислам-Кирмен. Дело шло к большой войне с Крымом. Два года спустя умер хан Девлет-Гирей, и в Крыму началась длительная междоусобная борьба.

С 1574 г. русские возобновили военные действия в Прибалтике, стремясь изгнать шведов из Ревеля. В апреле 1575 г. боярин Никита Романов занял крепость и порт Пернов. Год спустя русские утвердились в Гапсале.

В начале 1577 г. царь направил в шведскую Ливонию более крупные силы. Возглавили наступление молодой воевода Федор Мстиславский, сын первого боярина думы, и Иван Меньшой Шереметев. Еще недавно царь обличал Шереметева как государственного изменника, сносившегося с крымцами. Но мнимый изменник был одним из немногих опытных воевод, уцелевших в годы террора. Боярин Иван Меньшой обещал государю либо взять крепость, либо сложить голову под ее стенами.

Зимним путем к Ревелю была подтянута осадная артиллерия, и в январе 1577 г. воеводы начали бомбардировать город калеными ядрами. Однако взять крепость им не удалось. Ше-

реметев был ранен шведским ядром и умер. В марте войска сняли осаду и отступили.

Не завершив войну в шведской Ливонии, Россия в 1577 г. приступила к завоеванию Южной Ливонии, находившейся под властью Речи Посполитой. Все крупнейшие военачальники были казнены Грозным в предыдущие годы. В их числе были Александр Горбатый, Михаил Воротынский, Алексей Басманов, Михаил Репнин, Юрий Кашин, Андрей Шеин. Военное руководство перешло в руки воевод, не имевших особых заслуг, опыта и способностей. Но это не беспокоило царя. Он решил лично возглавить новый поход против ливонцев. Его сопровождала блистательная свита: татарский хан Симеон Тверской, ливонский король Магнус, князь Шейдяков. Талантливый воевода князь Дмитрий Хворостинин вместе с Иваном Мстиславским были оставлены на Оке на случай нападения Крымской орды. Москва не забыла уроков 1571 г.

Несмотря на все усилия, Разрядному приказу удалось собрать для похода всего 7279 детей боярских, 7905 стрельцов и казаков, 4227 татар. Вместе с военными холопами боевой состав армии не превышал 30 000 человек.

Располагая такими силами, царь имел возможность изгнать из Южной Ливонии малочисленные литовские гарнизоны. Поход задуман был как демонстрация военной мощи, не более того.

Бояре, посланные под Ревель, потерпели полную неудачу. Не желая подвергать себя риску поражения, Грозный вовсе отказался от решения ключевой задачи — овладения Ригой и Ревелем и ограничился второстепенными целями.

13 июля 1577 г. Иван IV выступил из Пскова к Мариенхаузену. Местный гарнизон, насчитывавший 25 человек, сдался без боя. Воины соседних замков последовали его примеру. Под Динабургом Грозный обещал «повольность» гарнизону и не только исполнил обещание, но и одарил сдавшихся немцев и поляков.

На один день войска задержались под небольшим замком Чествин. Царь был взбешен. Городок был взят штурмом. В наказание часть пленных велено было казнить — «по кольям са-

жать». Прочих распродали татарам в рабство. Царь следовал принципу — щедро жаловать послушных и истреблять «сопротивных».

Победное шествие московитов произвело огромное впечатление на дворян Южной Ливонии. Литовская администрация не могла обеспечить им военной помощи и тем окончательно подорвала свой авторитет. В таких условиях немало ливонских немцев искали покровительства у короля Магнуса. По предварительному соглашению Грозный позволил своему «голдовнику» присоединить к своим владениям Венден и несколько других замков. Однако власть Магнуса признали, помимо Вендена, 16 других замков.

Когда Магнус сообщил об этом Ивану IV, тот пришел в ярость и предложил королю убраться вон из Ливонии «в свою землю Езель да и в Дацкую землю за море». Царское послание Магнусу завершала угроза сослать его в Казань. Тайные сношения короля с ливонцами заронили в голову Грозного подозрения насчет измены.

Когда полки подступили к Куконосу на Западной Двине, оказалось, что замок занят солдатами Магнуса. Вступив в город, Грозный велел казнить находившихся там советников короля, а горожан «распродать татаром и всяким людем».

Магнус был вызван в царскую ставку и взят под стражу. Утратив всякое доверие к вассалу, Иван IV «велел отвести его вместе с его придворными в старую хату без крыши, где он должен был лежать на соломе пять суток, а придворные день и ночь ждали смерти». Потом короля отпустили в его удел. Полгода спустя он перешел на сторону Батория.

В замке Вольмар был захвачен в плен литовский гетман Александр Полубенский. По требованию Ивана IV гетман отдал приказ польским гарнизонам прекратить сопротивление.

10 сентября царь дал пир знатым пленникам в Вольмаре. Он жаловал сдавшуюся Литву, «давал им шубы и кубки, а иным ковши жаловал», после чего отпустил на родину.

Грозный надеялся, что демонстрация силы в Ливонии заставит Батория заключить мир с Россией. Полубенскому вру-

чена была царская грамота для передачи королю. Царь извещал Стефана, что завершил поход и очистил свою отчину — Лифляндскую землю. Своего неприятеля он утешал тем, что спор из-за Ливонии возник до избрания того на польский трон: «...и ты б о том досаду отложил и с нами нежитья не хотел, занеже то не при тебе делалось».

Поход в Ливонию подтвердил горделивую уверенность царя в том, что он — великий полководец, оружие в руках Господа. Он невольно преувеличивал масштабы своих побед. Возле царя не оказалось способных воевод, которые могли бы овладеть опорными крепостями Ригой и Таллином. Подле него не было дипломатов вроде Ивана Висковатого, которые могли бы объяснить ему, что Россия понесла тягчайшее дипломатическое поражение в Речи Посполитой, утратив возможность повлиять на ход избирательной борьбы. Неудача готовила почву для изоляции Российского государства.

Предаваясь иллюзиям, Грозный надеялся избежать кровопролитной войны с Речью Посполитой и к тому же продиктовать Баторию условия мира. Отпуская пленных на родину, он велел передать Стефану на словах, «чтоб король послов своих прислал, а дался б король на государеву волю во всем, да про то им велел сказать королю, какова его государева рука высока». Царь явно не учитывал мужества и энергии своего противника.

В письме к литовскому наместнику Ливонии гетману Яну Ходкевичу Грозный не мог скрыть своего ликования: «В нашей отчине Лифлянской земле... нет того места, где б не токмо коня нашего ноги, и наши ноги не были, и воды в котором месте из рек и озер не пили есмя; но все то з Божию волею под наших коней ногами и под нашим житием учинилося». Облечившись в маску миролюбия, царь советовал гетману не огорчаться, так как царские победы не наносят ущерба его достоинству: «А убытка тебе здесь ни в чом нет, и ты б о том не кручинился»; «лучше сия смущения отложить и промышляти о покое христианском».

Накануне вторжения в Ливонию Иван IV написал послание к вице-регенту Лифляндской земли князю Александру Полубенскому, заменявшему регента Ходкевича. Князь носил титул «справцы рыцарства вольного». Царь предлагал ему именовать начальником не над рыцарством, а над висельниками, «которые в Литве ушли от шибеницы» (виселицы). Он имел в виду наемных солдат, на вербованных в Литве и присланных в Ливонию.

В письме Грозный извещал гетмана о выступлении в поход и требовал, чтобы тот отвел все свои отряды из ливонских градов: «...из нашии бы еси вотчины из Лифляндские земли поехал со всеми людьми».

Свои послания царь начинал с титула «Божьей милостью» и пр. В грамоте Полубенскому титульная часть составляет более половины всего послания. Она раскрывает взгляды самодержца на природу власти православных государей. Древние царства находились во власти дьявола, доказательством чему служили преследования христиан. Так было до Константина Великого, «царя правды христианска», соединившего «священство и царство воедино». На Руси Бог избрал Владимира Киевского как «царя правды христианска». Царь называл себя его преемником. Такими рассуждениями Иван IV подкреплял свои требования о немедленном очищении Ливонии, древней отчины киевских князей.

Любитель «грубианской» полемики, Грозный не жалел бранных слов для Полубенского, свояка Курбского: «Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирию, то все дудино племя!» Дуда была инструментом скоморохов, что и определяло смысл прозвища «дудино (скоморошье) племя».

Послание Ивана IV Полубенскому не было своевременно доставлено адресату. Но, по словам гетмана, когда он предстал перед царем, тот произнес бранную речь.

Будучи в Вольмаре, Иван IV написал послания изменнику Тимофею Тетерину, беглым опричным советникам — ливонским дворянам Иоганну Таубе и Элерту Крузе и князю Андрею Курбскому.

Насмешливое письмо Курбскому всего полнее выражало те чувства, которые переполняли Грозного в походе. Хотя мои беззакония «паче числа песка морского», писал он, но надеюсь на милость Бога, который может в пучине милости своей потопить их все. Своей сединой он (царь) прошел все дали тех дальноконных городов, где Курбский искал успокоения. «И тут на покой твой, — поучал царь Курбского, — Бог нас принес, и все то мы тебе пишем не из гордости, а ради твоего исправления, чтобы ты о спасении души своей помыслил».

Десятилетия самодержавного правления и террор неизбежно вели к тому, что Иван все больше превращался в затворника Кремля, терял представление о реальном мире. Он жил в плену превратных представлений о своем всемогуществе и поход в Ливонию оценивал как величайший триумф. Между тем военная кампания подготавливала почву для объединения главнейших противников России.

После смерти императора Максимилиана II царь надеялся на то, что австрийские Габсбурги продолжат борьбу за польскую корону. Военный союз с Веной, по мысли царя, должен был поставить Батория на колени. Расчеты такого рода не имели под собой никакой почвы.

Успехи, достигнутые русскими в 1577 г., оказались кратковременными. Военное господство в Южной Ливонии принадлежало тому, кто владел Ригой. Как только царь вернулся в Москву, самые крупные из завоеванных им крепостей — Динабург и Венден — пали.

Попытка царя покончить с затянувшейся войной, предприняв широкие наступательные операции против шведов и литовцев, привела к неблагоприятным последствиям. Впервые за все время Ливонской войны противники России фактически объединили свои военные усилия.

В 1578 г. царь дважды посылал полки к Вендену, чтобы вернуть этот замок. Воеводы просили его отменить приказ, ссылаясь на то, что идти к Вендену «не с кем, людей мало». Прибывшие в армию царские эмиссары получили приказ «отвести» полки к замку и «промышлять своим делом мимо воевод,

а воеводам с ними». Плохо подготовленное наступление закончилось провалом. Объединенные польско-литовские и шведские отряды внезапно напали на русский лагерь под Венденом и нанесли воеводам поражение.

Многочисленные победы в Ливонии грозили обернуться поражением.